

Юрий Бондарев

О ФОРМУЛАХ И КРАСОТЕ

Можно ли одной исчерпывающей формулой определить, что такое искусство?

Известно, что единственно верное утверждение всегда покоряет нас, оно всегда кажется ясным и логичным ответом. Но в литературе порой возможен некий отход от граненых железных формул, и я рискну сделать этот шаг.

Искусство – это очарование; стихия черного и белого; колдовство; борьба бога и сатаны; вторая жизнь; выявление смешного и трагедийного; утверждение и отрицание; мораль, отрицающая безнравственность, и безнравственность, рождающая мораль; форма как выявленное содержание; познание мира и человека; поиск и познание истины человеком и в человеке. Наконец, искусство – это история истории и история личности.

Из всех этих определений (субъективных, конечно, – для самого себя) выделяю наиболее существенное, как мне кажется, – поиск и познание истины человеком и в человеке, то есть формулу, в какой-то степени вбирающую в себя другие определения, ибо эта формула связана с мировоззрением и мироощущением художника, с его отношением к миру и смыслу человеческого существования в данном мире. Как невозможно, так и бессмысленно втискивать в прокрустово ложе формулы книгу того или иного писателя, вкладывать ключ-отмычку в замок его творений, с высокомерностью задаваясь мыслью таким образом все понять, оценить и расчленивать, найти схему, шифр к роману или рассказу. Вряд ли интимные

дневники, письма друзьям раскроют полностью все, что мы называем желанием и исполнением.

Вероятно, не ошибусь, если скажу, что желание большинства писателей – и великих и невеликих – совпадает все же в одном: найти, показать истину человеку и утвердить ее. Вся история литературы, все повторяющиеся сюжеты, коллизии, даже некая схожесть героев доказывают нам это (Пушкин и Байрон; Тургенев и Гончаров; Чехов и Мопассан, если говорить о рассказах). Различие в исполнении? А это зависит от особой индивидуальности писателя, от глубины проникновения в жизнь общества и, что не менее важно, в свой собственный, личный мир (душевный), чему вратами является тот одержимый настрой при соприкосновении с бумагой, когда художник – не раскручивающаяся пленка чужою магнитофона, но соучастник, свидетель.

Мы порой, слава богу, с увлечением и горячностью спорим, говорим о литературе, но почему-то все реже употребляем слова «красота» и «прекрасное». Эта некая стеснительность объясняется, возможно, осторожностью в обращении с высокими понятиями, звучащими слишком громко в утилитарный наш век.

Может быть, причина в ином – все мы главным образом озабочены выявлением самой литературной темы, оголенными, так сказать, идеями и умозаключениями произведения. Вследствие односторонности снижается, как это ни прискорбно, критерий литературы, а она, литература, изящная словесность, все-таки женского рода, призванная населять мир жизнью,

выраженной в книгах, стало быть, связана с великим актом рождения, с любовью, с материнством, что само по себе – высшая красота.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66